

Т 93

оси.

Р 32/49

Павло Мызина

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЕТГИЗ

Т-93

ПАВЛОТЫЧИНА

Избранные
стихотворения

Перевод с украинского
под редакцией
В. ТУРГАНОВА

Государственное Издательство ~~Средней Азии~~
КП РСФСР
Москва 1943 Ленинград

ПАВЛО ТЫЧИНА

В этой книге представлены избранные стихи украинского поэта Павла Тычины, одного из крупнейших поэтов нашей страны.

Три четверти века отделяют появление первых стихов Тычины от первых стихов Шевченко. За эти три четверти века была создана та украинская литература, которая по справедливости называется классической.

Два имени стоят во главе классической украинской литературы: Тарас Шевченко (1814—1861) и Иван Франко (1856—1916).

Трудами всей жизни Шевченко и Франко литература украинского народа стала литературой мирового значения. Шевченко и Франко воплотили в своих произведениях чувства народа, его надежды, его стремления и борьбу. События народной истории стали темой и достоянием украинской поэзии. Шевченко, а за ним Франко разработали украинский стих, обогатили его достижениями других славянских литератур, в первую очередь русской.

Великие традиции Шевченко и Франко продолжены в советской украинской поэзии, виднейшим представителем которой является Павло Тычина.

Павло Григорьевич Тычина родился в 1891 году в селе на Черниговщине. Отцовская семья была большая, достатков не хватало. У маленького Павла был звонкий, чистый голос. Отец решил отдать сына в архиерейский хор, в учебу. Так будущий поэт попал в духовное училище, так называемую «бурсу», а оттуда — в семинарию. Об этих годах Тычина сам рассказал впоследствии в автобиографических стихах.

Конечно, у черниговских бурсаков, сверстников Тычины, было уже мало общего с легендарными бурсаками, воспетыми Гоголем и Помяловским. Общим, однако, оставался дух бурсы, мертвящий дух зубрежки, фискальства, казенщины. Но уже проникали в бурсу раскаты революции 1905 года. Молодой Тычина жадно прислушивался к голосам «буревестников» революции: Максима Горького и его украинского друга Михаила Коцюбинского. Знаменитый писатель-реалист, демократ, человек высокогуманный, Михаил Михайлович Коцюбинский оказал решающее влияние на формирование молодого поэта. Встречу с Коцюбинским Тычина описал в стихотворении «Первое знакомство». Впоследствии, выступая с речью, посвященной памяти Коцюбинского, поэт тепло вспоминал своего учителя: «Правды искал он обиженным; права на счастье угнетенных он добивался; жизни своей не щадил, не раз страшные муки переживая... ожидая вот-вот своей гибели. Потому-то так и дорог он нынче нам, свободным гражданам многонациональной отчизны нашей».

Тычина часто бывал на «суббстах», которые устраивал Коцюбинский для передовой черниговской молодежи. В 1911 году, в гостях у Горького на острове Капри, Коцюбинский познакомил Алексея Максимовича с произведениями нового украинского поэта.

В 1918 году вышла первая книга стихов Тычины «Солнечные кларнеты». Первая книга молодого автора

уже была произведением мастера. Тычина сразу предстал перед читателями не только как искусный стихотворец, выступающий во всеоружии стиховой техники прошлого, но как новатор и экспериментатор. Он вводил в украинскую поэзию новые ритмы, строфику, композицию, добиваясь той высшей степени звучания слова, когда стих становится музыкой. Эти качества поэзии Тычины — напевность, звучность, музыкальность — остаются характерными для нее на всех стадиях развития. Это делает стихи Тычины необычайно трудными для перевода. В переводе неизбежно разрушается та слитность между содержанием стиха и его звучанием, которая очаровывает при непосредственном восприятии украинского текста.

Чувство новизны свойственно Тычине, как никому из его современников украинских поэтов. Начиная с первых шагов, Тычина не шел в поэзии протоптанными тропами. Он сам выразил это в программном стихотворении «Чувство единой семьи», сказав о себе, что он «наперерез привычным бродам идет дорогою другою».

В любом, самом незначительном, казалось бы, произведении Тычина всегда ставит себе — и стремится разрешить — какую-нибудь сложную художественную задачу. Но поэзия, даже самая изысканная, мертва, если ее не оплодотворят большие, передовые идеи современности. Эти идеи дала поэзии Тычины Великая Октябрьская социалистическая революция.

Уже «Солнечные кларнеты» звучат предчувствием близкой революционной бури. В стихотворении «Над крутым обрывом» поэт говорит о грозах, расцветающих в лазури неба. Грозовые раскаты революции полным голосом зазвучали в следующей книге Тычины «Плуг», вышедшей в 1920 году.

Эта книга была для своего времени событием выдающимся. Она определила не только путь поэта Тычины, но путь всей советской украинской поэзии. В книге «Плуг», воссоздавая грандиозную картину рево-

люционной вспашки мира, Тычина дает две поражающе простых, лаконичных миниатюры: «На майдане» и «Ой, упал мой друг с коня». В этих коротких стихотворениях поэт показывает движущую силу революции, волю к победе народных масс, поднятых Октябрем на небывалые вершины духа. В миниатюре «Ой, упал мой друг с коня» Тычина рисует образ одного из безыменных солдат революции. Даже погибая, боец этот шлет привет всему миру, за светлое будущее которого он боролся. В стихотворении «На майдане» («На площади») поэту удалось необычайно сильно и выпукло показать стихию украинского села, взметенного бурей революции.

«На майдане» Тычины по своей лаконичности, законченности, пластичности изображения может быть поставлено рядом с шедевром Шевченко — «Садок вишневый коло хаты».

За сборником стихотворений «Плуг» следует книга стихов Тычины «Ветер с Украины» (1924), исключительная по своей внутренней цельности. В ней поэт окончательно определяет свои идейные позиции. В цикле стихов «Ответ землякам», «За всех скажу» (так же как и в сонете «Я знаю», вошедшем в книгу «Плуг») Тычина решительно и безоговорочно заявляет, что его путь — вместе с революцией, вместе с народом. И таким неизменно остается дальнейший творческий путь поэта.

Для Тычины поэзия никогда не была самоцелью. Он рассматривает дело поэта как часть могучего, всенародного культурного процесса. Поэзия должна служить народу, помогать ему в его движении вперед. Такое понимание поэзии невозможно без настоящей, глубокой, кровной любви к народу. Этой любовью была насыщена поэзия великих предшественников Тычины — Шевченко, Франко. Этой любовью насыщена и поэзия Тычины. Он не бесстрашный свидетель величественных событий в жизни народа, а пламенный их участник. И потому книги Тычины последующих лет. «Партия ведет» (1934), «Чувство единой семьи» (1938),

«Сталь и нежность» (1941) — стали своего рода поэтическим дневником Советской Украины за годы великих Сталинских пятилеток.

В эти годы необычайно, сказочно преобразилась Украина. И Тычина напряженно всматривался во все то новое, что выросло в его родной стране вместе с советской властью, и любовно воспел новую, Советскую Украину в своих стихах.

Внимание поэта все более привлекают образы передовых людей революции, таких, как Дзержинский, Киров. В ряде стихов Тычина обращается к тому, чей гений дал украинскому народу свободу и счастье, — к товарищу Сталину.

Поэзия Тычины живет вместе с народом, болеет его горестями, радуется его радостям. «Мое перо — моя вся сила — тебе, народ любимый мой!» писал Тычина в начале 1941 года, как бы подытоживая сделанное им за годы мирного строительства. И народ знает и ценит своего поэта. В 1938 году поэт и академик Тычина был избран депутатом Верховного Совета УССР. Правительство дважды наградило его орденами Советского Союза.

Вместе с народом был поэт и в июньские дни 1941 года, когда орды германского фашизма нахлынули на Украину. Всю свою силу поэт Тычина отдает на борьбу с ненавистными захватчиками. В ряде памфлетов он клеймит звериное лицо фашизма. В патетических строфах воспеваает героев отечественной войны — Любу Земскую, Зою Космодемьянскую. Художественным воплощением несдающегося украинского народа предстает перед нами образ партизана Железко в поэме Тычины «На земле священной, на советской».

В суровые дни войны, как никогда, возрастает ответственность писателя перед народом. Это чувство величайшей ответственности звучит в стихотворении Тычины «Голос матери». Осенней ночью, томимый бессонницей, поэт слышит в порывах ветра за окном голос матери — голос родины:

Будь братом каждого бойца!
Не тысячам, а миллионам
сумей ты вдохновить сердца
своих стихов железным звоном.

. . . . .
За оскверненных матерей,
за всех, живьем зарытых в землю,
ты песней отомстить сумей, —
тогда лишь я тебя приемлю!

Оружием поэтического слова Павло Тычина помогает освобождению своей родины от фашистского рабства.

Борис Турганов

Москва, июнь 1943 г.

Из книги
"Сонетные кларнетты."

1918

ЛЕСА ШУМЯТ

Леса шумят —
я слушаю.
Дымки летят —
любуюсь я.
Любуюсь я, дивуюсь я —
чего ж душе моей
так весело?
Вот звон гудёт —
далекий звон,
Мечты прядет —
над нивами,
Над нивами-приливами,
и ввысь меня несет,
как ласточку.
И я иду —
взволнованный,
Кого-то жду —
ликующий,

И всё пою — любовь мою
под тихий шопот трав
ласкающий.

Мечтает лес —
над речкою,
А неба край —
что золото,
Что золото — расколото.
Горит-дрожит река,
вся — музыка.

1914.

АРФАМИ, АРФАМИ

Арфами, арфами —
золотыми, молодыми откликаются леса
многозвонными.

То весна,
краше сна,
розами-росами
опоясана.

Думами, думами —
словно море кораблями, переполнилась лазурь
нежнотонными.

Будет бой
грозовой!
В россыпи-осыпи
перламутровой...

Стану я, гляну я —
сплошь разливы-переливы — жаворонок золотой
разливается.

То весна,
краше сна,
росами-розами
опоясана.

Милая, нежная, —
опечалена ты бродишь или в сердце счастья жар
загорается?

Колос мой
полевой!
В россыши-осыпи
перламутровой...

1914.

БАБАЯ ВЫШИВКА!

Какая вышивка! Над нею
Грустит швея.
Шелк то краснее, то чернее,
Как жизнь моя.

Рыдают звоны колоколен,
Рвут высоту.
Мой путь то преисполнен боли,
То весь в цвету.

Туманы разгоняет ветер,
Но туч нанес.
Зачем есть небеса на свете,
Когда нет слез?

Целую розу на закате,
Я так угрюм.
Зачем прожить мне сил нехватит,
Не зная дум?

1914.

НАД КРУТЫМ ОБРЫВОМ

Над крутым обрывом,
Где орлы да тучи,
Над могучим морем,
В золоте лазури —
Ой,
Там
Расцветали грозы!
Расцветали грозы...

Из долины к небу
Протянулись руки:
— Вы пошлите, грозы,
Голубого ливня! —
Вдруг
Вниз
Пали капли крови!
Пали капли крови...

На полях, на травах
Сребро-изумрудных,
Меж хлебов янтарных,
Стройноколосистых —
Ой,
Там,
Там шумели шумы!
Там шумели шумы...

Кто-то слал призывы
Страстнопреклоненно:
— Дай, земля, нам шума,
Шума-исступленья! —
Ночь.
Плач.
Смерть шумит косою!
Смерть шумит косою...

ХОР ЛЕСНЫХ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Мы звоночки,
Мы в лесу звоночки,
Славим день.
Напеваем,
Звонами встречаем:
День!
День.

Любим солнце,
Небосвод и солнце,
Свет и тень,
Снов отраду,
Тихих рощ прохладу:
Тень!
Тень.

Вейтесь, тучи,
Прилетайте, тучи, —
Ясный день.
Прошумите,
Влагой окропите:
День!
День.

Пусть на нивы,
Золотые нивы
Ляжет тень.
Пусть качнется —
Нива улыбнется:
Тень!
Тень.

1917.

Из книги „Тлумз“

1920

НА МАЙДАНЕ

На майдане¹ возле церкви
революция идет.

— Где чабан?— толпа взметнулась.—
Он повстанцев поведет!

Ну, прощайте, ждите воли!
Эй, по коньям! Шашки вон! —
Закипело, зашумело,
только марево знамен...

На майдане возле церкви
шепчут матери, смутны:
— Озари ты им дорогу,
светел месяц, с вышины!

¹ М а й д а н — площадь (укр.)

На майдане пыль спадает.
Сна — не превозмочь.
Вечер.
Ночь.

1919.

ОЙ, УПАЛ МОЙ ДРУГ С КОНЯ

Ой, упал мой друг с коня
и припал к снегам.
— Слава! Слава! — докатилось
и легло к ногам.

И поднес тогда он руку
к сердцу своему.
Был бы рад еще такую
пережить зиму.

Ой, рубили мы врагов,
да на всех фронтах!
Сел на грудь, закаркал ворон.
черный ворон-птах.

Грянул революционер —
зашатался свет!
Умирая в чистом поле,
всем послал привет.

1919.

ИДУ С РАБОТЫ Я, С ЗАВОДА

Иду с работы я, с завода
манифестацию встречать.
— Свобода! — улицы кричат,
и вновь: — Да здравствует свобода!

Смеётся солнце с небосвода,
и облака, что кони, мчат...
Иду с работы я, с завода
манифестацию встречать.

Моя весна! Моя природа!
Лучи в моей груди звучат...
— Нам мир дано трудом венчать,
чтоб к вечной дружбе шли народы!
Иду с работы я, с завода.

Я ЗНАЮ

Я знаю: вам греха не искупить,
еще камнями вас побьют без счета
за то, что на дорогу из болота
не сразу вы осмелились ступить.

С пристрастием вас будут вновь судить:
лень прославляли вы, а где ж работа?
Ладью на плот сменивши для чего-то,
в боязни Сути, как могли, вы жить?

Довольно спать! Вставайте, и — в дорогу!
Гимн Человеку ныне, а не богу!
Грядущему отдайте души в дар!

Пылайте! Солнце меряйте глазами!
Бездарность — слишком ходовой товар,
а дважды жить — не будете и сами...

1920.

Из книги
„Ветер с Украины“

1924

ВЕТЕР С УКРАИНЫ

Нет, я ничто так не люблю,
как ветра завыванье.

Чортов ветер! Проклятый ветер!

Он замахнется раз —
рев! свист! сверканье!
и мчится палая листва —
бесовское созданье...

Не то: упрётся в топкий чернозем,
разбег придаст вагонам —
ух, так и полетят по рельсам
под тополиным перезвоном!..

Чортов ветер! Проклятый ветер!

Сидит в Бенгалии Рабиндранат¹:
мы не бунтовщики: мы все — из глины!
Хохочет ветер с Украины,
ветер с Украины!

Сквозь стекла Запад кинет взгляд:
людовой ли шаг? людовой или звериный? —
Хохочет ветер с Украины,
ветер с Украины!

Чортов ветер! Проклятый ветер!

Он голову корчагой из Днепра:
— Не ждите, господа, добра,
не та пора!

Ах,
я ничто так не люблю,
как ветра завыванье,
всю боль его, его блужданья,
и землю,
землю свою.

1923.

¹ Рабиндранат Тагор (1861—1942) — бенгальский поэт (Индия), автор широко известных книг «Садовник» и «Гитанджали». Для Тагора, лирика-философа, характерно стремление оставаться в стороне от общественной борьбы.

ПОДХОДИТ ЛЕТО

Подходит лето,
слышишь ли? — подходит лето.
Млеет лес. Река звонка.
В садах повсюду цвет, повсюду цвет...
Плотнее небо. Дни уже не те.
Полнее даль полей. И за сараями
малина — сплошь в седых ресницах...
Полнее даль полей.

Дед на завалинке. Он стар —
как сон.
Ему ерóшит брови внук.
Качает ветер мак, и яворы и мак.
Сын, в землю заступ свой воткнув,
подходит к хате. Как тепло!
Через неделю и хлебá
начнут, пожалуй, поспевать.

Вот пережили войны с их бедой,
зэмли добились молодой
и поделили. Еще б остатки
доделить — тогда совсем уж.
Тихо. Лишь на лугу и звяк и стук.
Проехали по улице, и — тихо.
Через неделю и хлебá
начнут, пожалуй, поспевать.
По селам электричество зажгли.
Пора б и нам? Неторопливо
качает головою дед.

Скрипит за хатою колодець.

Вслед

дрожит журавль, вот-вот он упадет.

Артезианский будем рыть — не пропадем!

Качает головою дед.

А за селом резвун-пилот

взлет крыльев весело ведет.

Мать молодая, улыбаясь,

идет из хаты: где мой сын?

Ребенок ручками, ребенок ножками — какой!

Наверно, будет комсомолец — да?

И вот ребенок на руках.

Забыл он деда, всех и всё,

закрыв глаза и грудь сосет...

Подходит лето.

1924.

КОЖЕМЯКА

Кожи Никита мял —

пришли к нему люди,

пришли в слезах к нему люди:

— Ой, горе, Никита, если б ты знал!

горе, если б ты знал!

Король-змея

город обступил —

ну что ты ему скажешь?

— Помилую, когда крови напыюсь, —
ну что ты ему скажешь?

Гнев на Никиту напал —
головой не поднял,
двенадцать кож под его руками
тресь! тресь!

Пришли к нему снова:
у каждого нос обрублен,
у каждого уши обрублены
и у каждого губы.
И толпой загнусавили так:
— Ой, горе, Никита, если б ты знал,
горе, если б ты знал!

Печален Никита стал —
дурнями всех обозвал:
— Вот уже дурни, так дурни,
когда они переведутся!

Пришли к нему в третий,
и каждый перед собою вел
женку без головы,
сына без головы,
и так страшно, так смешно ступали

ИХ НОГИ —

как бы у живых...

Тут Никита вскочил:
— Сами вы безгольвы!

Ну, на что вам нужна моя помощь?
Вы трижды приходите, и трижды всё те же —
эх вы, невежды!
А где — ваши — богачи?

— А! — прозвучало — и снова молчанье.
Раскрылись глаза — и настало молчанье.
— Где у них уши обрублены?
— Где у них дети погублены?
— А! — разорвалось — и снова молчанье.
Раскрылись глаза — и поняли все —
(кровь проступила на мертвых...)

Сложили мертвых особо.
Живые стали особо.
Ударили на богача!
Никита — на короля!

И закипела земля...

1924.

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

...Девочка с крылечка:
— Вы, цып-цып-цып, мой!..
Собака на цепи.
Какой-то шум в степи.

А мать забыла гряды —
какой-то шум в степи.

— Ой, будет, будет буря! —
грохочет гром в стѣни.

— Нет, мама, я читала:
воздушный это флот. —
Но мать дрожит от страха,
и скот в хлеву ревет...

И небо в сотни линий
расчерчено кругом,
а гром всё улетает,
всё улетает гром

— тает гром —

1924.

Из книги
"Партия ведет"

1934

ПЕСНЯ ТРАКТОРИСТКИ

Как Олеся Булик убежала на курсы в 1930 году

Дым-дымок от машин,
как девичьи лета...
Не тот, что был, Миргород.
Хорол-речка — не та.

Летом — вся работа в поле,
а как снег постлал постель,
я товарищей просила
записать меня в артель.

Ой, артель моя «Троянда»¹
маркизет, мадеполам!
Вышивала я узоры
с тревогою пополам.

¹ Троянда — роза (укр.)

С тревогою — ну и странно! —
с тревогою — вот смешно! —
Только близко загрохочет,
так и высунусь в окно.

А оно — ничуть не странно:
ведь меж наших вороных
стали кони попадаться,
не похожие на них.

Не травкою их питают,
и овса такой не ест, —
они ходят, как летают,
заезжают в МТС.

Дым-дымок от машин,
как девичьи лета...
Не тот, что был, Миргород.
Хорол-речка — не та.

Тут игла моя упала,
перепутался узор...
Я бежала, догоняла —
поглядеть на них в упор.

В МТС их все встречают,
обступают в тесный круг,
по плечам их с лаской треплют,
называют нежно: друг!

К трактору я протолкалась —
ой, хороший! Светлый мой! —

Как мне хочется учиться,
чтоб вести его самой!

Отпустите меня, мама,
кто внушил вам это зло?
Я ж на курсы трактористов —
я в Поповку, на село!

Мать с укором: — Бога бойся!
Я в ответ ей: — Это ж стыд!
Долго ль будут меня мучить
ваши рясы да кресты?..

Дым-дымок от машин,
как девичьи лета...
Не тот, что был, Миргород.
Хорол-речка — не та.

Мать упорна: — И не думай!
А я снова: — Убегу!
Раз я раным-рапо встала —
ни следочка на снегу.

В самом плохоньком пальтишке,
в старом стираном платке
подалась я на Поповку,
что дымит невдалеке.

Только мост перебежала —
не бубенчики ль звенят?
Не по звону, а по песне
узнавала я ребят.

Перевились голосами
радостно да весело.
— Что, курсантов не узнала?
Мы в Поповку, на село!

Я гляжу — себе не верю:
все свои, соседние.
— Садись с нами, комсомолка,
и поедем, едем-дем.

Дым-дымок от машин,
как девичьи лета...
Не тот, что был, Миргород.
Хорол-речка — не та.

1933.

И ОТ ЦАРЕЙ, И ОТ ВЕЛЬМОЖ

И от царей, и от вельмож
осталась отвращенья дрожь,
остались пятна дел позорных —
да пепел их в полях просторных...

О, вечный, грозный непокой!
Ты бурей дивною такой
ворвался в сонное движенье,
как новой эры возраженье.

Сметая всю былую муть,
чтобы навеки зачеркнуть,

ее, волной бросая, носишь,
покамест на́прочь не отбросишь.

Но ты — не бунт, мы — не рабы:
ты — план настойчивой борьбы.
Ты делишь на́двое всю землю,
над веком нас, как стяг, подьемля...

1927.

Из книги
„Ты же — единой семьи“

1938

ЧУВСТВО ЕДИНОЙ СЕМЬИ

Наперерез привычным бродам
идя дорогою другою,
я всем языкам, всем народам
протянут радугой-дугою.

И это чувство так могуче!
Так ощутимо и весомо!
Как будто грянул громом с кручи
и слышишь: отголосок грома...

И гром летит — отгулом в дали,
гуторит, вторит, торжествуя,
что возникает мост из стали,
все нации собой связуя.

И ты, взгремев, как гром, однажды,
яснеешь всей своей основой, —

как путник, утоливший жажду
водой степною, родниковой.

Водой стенною насыщаясь,
непринужденнее и легче,
в последнем первенство встречаешь,
едва чужой коснешься речи.

И самой мягкой глины мягче
чужая речь тебе сдается.
Хоть слово и звучит иначе,
да суть-то — наша остается!

Сначала: словно бы подкова
трещит, сгибаясь под рукою,
и вдруг услышишь: слово! слово!
чужое — внятно, как родное.

Ведь это не простые звуки,
и не пустыня лексикона —
в них слышен труд, и пот, и муки, —
так родственно и так знакомо!

В них аромат лесов и поля,
в них волны радости народной.
В них та же — классовая — воля
от давних пор и по сегодня.

И ты чужое это слово
в родной язык ведешь, как брата.
А чувству этому основа —
могущество пролетариата.

ЗЕЛЕН-ЗОЛОТ

Герб советский: Серп и Молот —
зелен-зóлот пышный край!
У герба колосья встали —
в крепкой стали пышный край!

Плавься, сталь, теки, сверкая,
создавая нам оплот!
Только молвит Сталин слово —
мы готовы, пусть ведет!

Ты расти, пшеничный колос, —
во весь голос наша мощь!
Стали мы сплоченным строем —
мы устроим нашу мощь!

Будь бойцом, героем в жизни —
ведь отчизна лишь одна!
О любви поют в народе —
а любовь у нас одна!

Враг стучится в наши двери —
лишь потери у него!
Погляди на нашу землю —
всех объемлет торжество!

Так пускай же враг ярится,
от бессильной злобы лют!
У нас вволю всем раздолья —
реки дружбою текут!

Чтоб скромным был. Тогда победой славной
врагов вредить отучим мы, отучим!

Железный Феликс отучал! Химеры
о нас плели все те, кто внешним лоском
скрывал нутро, — меньшевики, эсеры —
нет счета буржуазным подголоскам!

Железный Феликс отучал! Рукою —
и белых брал и черных, — как ни злись там!
Он ни минуты не давал покоя
желто-блакитным националистам.

И по его следам, прямым и точным,
победа шла. Он весь — горенье класса,
дыханье революции. Рабочим
всю жизнь до смертного он отдал часа

Ни каторга Сибири царской, дикой,
ни каземат варшавского централа,
ни высылки — ничто его великой,
чистейшей веры не поколебало!

Он пылко верил в лучшую на свете,
большую правду! Он, непобедимый,
железный, он — всегда был нежен к детям
и к женщинам, народа сын любимый.

Таков весь облик рыцаря. Глубоко
его запомним сердцем. Чтобы снова
и снова он светил нам. — Что? Шпионы?

Враги опять? — Поплатятся жестоко
и наземь рухнут: мы идем, суровы,
суровы, непреклонны.

1937.

ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ

Значит, есть у нас и корни и живые соки.
Много есть плодов отборных, спелых,
краснощеких.
Мастера, что дом возводят — светлый и
высокий,
что на стройке вдвое, втрое сокращают сроки.

Есть у нашей юности
много песен разных.
Весело танцуются —
ведь на то и праздник!
Эй, пляши, да эй, пляши,
сердце недруга круши!
Всё ли сделал? — не забудь:
весел
будь!
Весел, весел, весел будь!

Так могучи наши люди, будто бы из стали.
Все мы дышим полной грудью и провидим
дали.
Мы работаем в огромном и всемирном зале —
перелёты и победы, матчи, фестивали,

Родина могучая,
как живем мы дружно!
В наши дни кипучие
что нам помнить нужно? —
Враг возникнет — черный, белый,
иль от злости поседелый,
или желто-синий вор, —
бей
в упор!
Бей, бей в упор!

Как гирлянда из калины, что не увядает,
в дружбе юности орлиной родина мужает.
В этой дружбе, что бесценным кладом
называют,
всё танцует и смеется — где вот так бывает?

Есть у нашей юности
много песен разных.
Весело танцуются —
ведь на то и праздник!
Эй, пляши, да эй, пляши,
сердце недруга круши!
Всё ли сделал? — не забудь:
весел
будь!
Весел, весел, весел будь!

Значит, есть у нас здоровье, и краса, и сила.
Верю в творчество, в любовь я, что меня
взрастила.

А бывало, нас несметно злая смерть косила.
Октября живая сила бедных воскресила!

Родина могучая,
как живем мы дружно!
В наши дни кипучие
что нам помнить нужно? —
Враг возникнет — черный, белый,
иль от злости поседелый,
или желто-синий вор, —
бей
в упор!
Бей, бей в упор!

1938.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

(Чернигов, 1910 г.)

Мне помнится: осенний день. В усердьи
синело небо. Серебристый прах,
казалось, осыпáлся с синей тверди.

Была седа сухая тень в садах
и даль как бы от дряхлости дрожала.
Не выйти ль на этюды? Просто страх,

как на простор влекло из-под начала
казенных стен! Уроки отошли.
По семинарским классам разудалый

галдѣж пошел, и смех, и ай-люли
на гребешках. Я из-за парты вылез,
палитру вытер, вдвинул под шпили,

чтобы края этюдника сходились,
и к Валу зашагал, а ветерок —
вприпрыжку рядом, точно сговорились.

Вот неотвязный! Стал я поперек
дороги, осмотрелся: тут и сяду.
Лениво Стрижня движется поток

Наславу место. Лучшего не надо.
Сказал — и сделал. Тишина и зной.
Так клонит спать, что никакого сладу.

Прошел чиновник. Желтою копной —
страницами чужого лексикона —
расшелестелся ясень надо мной.

На Стрижне чели качнулся плоскодонный.
Еще краплаку в тюбике достав,
я оглянулся. Стаями вокруг клёна

кружились листья, с придорожных трав
под провода взлетая, как от шквала,
и запускали пальцы в телеграф,

как в струны цитры или на цимбалы.
Вдруг, как из-под земли, с травы к холсту —
какой-то долговязый, «Всех, пожалуй,

не дотащить?» — он молвит в пустоту,
а сам в руках сжимает листьев ворох.
Он черноглазый. В шляпе. На лету

ловлю черту тревожную во взорах.
Когда подсел он? Как я передам
таинственности прелесть? Чем так дорог

звук голоса его и кто он сам,
что так располагает с полуслова?
С сука вспорхнула птица. Ветра гам

улегся. Солнце выглянуло снова.
А незнакомец, собираясь встать,
меня окинул взглядом, как родного.

Как было голову не потерять?
Вскочил я, стал, глаза вдогонку пялю,
стою... А дней примерно через пяти

концерт давали в семинарской зале.
Ухаживать за публикой взялись
учащиеся. Гости прибывали,

уж коридор был полон. Скрывши фриз,
у входа в залу зелень на бордюре
живой гирляндой свешивалась вниз,

и, средь распорядителей дежуря,
стояли мы. То поправляя бант,
то на ходу друг с дружкой балагурия

об играх в фанты или про Жорж Занд¹.
Пред нами проплывали к повороту
за парой пара и за франтом франт.

Как вдруг: «Нашли! — воскликнул рядом
кто-то. —

Мы в поисках, а он тут в царстве грез». —
Очнувшись и всерьез, как от дремоты,

взглянул я, вздрогнул и к земле прирос.
Я черные глаза узнал не сразу.
Ведь это тот, что на речной откос

с охалкой листьев лазил, долговязый.
«Смелей!» — сказал мне, подтолкнув слегка,
учитель рисованья, с полуфразы

представив спутнику ученика:
«Поэт, и — обещает; был бы случай,
не грех в печать бы». — «И наверняка

уже стихов вот этакая куча?»,
пожав мне руку, пошутил другой,
щадя мою застенчивость бирючью.

«А это Коцюбинский²», — ткнул рукой

¹ Жорж Занд (1804—1879) — известная французская писательница.

² Коцюбинский Михаил Михайлович (1864—1913) — выдающийся украинский писатель, автор повестей «Фата-Моргана», «Тени забытых предков» и др. О влиянии Коцюбинского на молодого Тычину — см. предисловие.

преподаватель рисованья. «Fata!» —
воскликнул я невольно, и за мной

высокий вторил, радуясь, как брату.
Потом, взяв за плечи, проговорил:
«Мы, кажется, уж виделись когда-то?» —

и, юный мой оберегая пыл,
повёл средь пар. Бродя в их веренице,
я ликовал. Как был со мной он мил!

Я слышал смех и видел чьи-то лица,
но вместо смеха и веселых мин
лишь сознавал блаженство без границы:

всё заслонял собою он один.
А рядом вновь учитель рисованья.
«Кручиниться, — сказал он, — нет причин».

По коридору с шумом, как и ране,
тянулись пары. Прозвенел звонок —
неторопливо в зал пошло собранье.

Навстречу устремилась за порог
нескладица настройки. Вперегонку
с кларнетом тон альтам давал рожок.

Поднялся гул, как потасовка, звонкий.
Попробовал и я тут свой гобой,
всё заглушивший, точно плач ребенка,

и отложил, чтоб овладеть собой.
Вот капельмейстер палочкой оббитой
взмахнул, смиряя звуков разнбой.

Всё замерло. И Глинка из сюиты
заговорил. Со дна басов, звеня,
стал подыматься лес, с высот зенита
безоблачность простерлась. Зеленыя
пошли тянуться к солнечным триолям.
Зима прошла... Без края вокруг меня
весенний день, и солнце, и над полем
вот эта пташка! Нет! Еще и пот
трудящихся, с той славою мозолям,
которую поет им Глинка. Тот
почет труду, что рвет времен пределы
и тянет вдаль. То бушеванье нот,
что чувствовал, казалось мне, всецело
и Коцюбинский. Это, в цвете сил,
мы «Жаворонка»¹ грянули капеллой.

Играл на гобое, я следил
за Коцюбинским. Ровно и спокойно
смогнул он вдаль, как люди у кормил.
Он знал: вдали — бои, победы, войны,
и оттого-то, выпрямая струной,
сидел творец единственный, достойный,
и вдаль перед собой смотрел, — родной...

1938.

¹ «Жаворонок» — романс великого русского композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1857).

Из книги
„Сталь и неженство“

1941

ФЕДЬКОВИЧ У ПОВСТАНЦА КОБЫЛЫЦИ

Что терпел от злого батьки
славный юноша Федькович¹ —
ни словами не расскажешь,
ни душою не постигнешь.
Ведь семья одна и хата,
только бы и жить, казалось,
да отец за старину был,
а сынок о новом грезил.
Тут-то жизнь и раскололась —
каждый день раздоры, крики:
— Я в полицию отправлю!
Ты не признаёшь закона?

¹ Федькович Осип-Юрий (1834—1888) — западноукраинский поэт, уроженец Буковины, находившейся тогда под властью Австрии. Мечта Федьковича о воссоединении его родного края со всей Украиной осуществилась в 1940 году, когда Буковина была освобождена Красной армией и вошла в состав СССР.

У Лукьяна Кобылицы¹
бунтовать ты научился? —
Видит сын: в дому, что в пекле,
не бывать вовек покою.
На бумаге стих напишешь —
выхватят из рук и — в ключья,
слово скажешь про свободу —
кинут палкою тяжелой.
Злым ли быть или покорным —
что всего важнее в жизни?
Свет ты мой! Ну, где отыщет
человек себе защиту?..
Как-то вырвался из пекла
молодой поэт Федькович,
и поднялся он на гору
буковинскую, родную.
Он идет, а ветер свищет,
буки старые колышет,
нагоняет тучи злые
на высокую вершину.
Он идет, и вдруг за шею
каплей капнуло холодной.
Молния блеснула в туче,
и пошло тут грохотанье...
Огляделся, осмотрелся
смелый сокол, юный горец,
и отверстие увидел

¹ К о б ы л ы ц я Лукьян, Д о в б у ш Олекса — вожди западноукраинских повстанцев («опришков»), боровшихся с угнетателями народа, польскими и австрийскими помещиками.

при дороге в горных камнях.
Он забрался в ту пещеру
да и стал внимать природе.
А она в великом гневе
землю молниями била
и шумела шумом ливня;
и, ревя, неслись потоки,
и катились вниз камня
далеко куда-то, в бездну.
И воскликнул в удивленьи
славный юноша Федькович:
— Сколько ни бродил в горах я,
а такого не бывало,
чтоб в одну лишь тучу в небе
столько гнева взгромоздилось!
Бушевать так может только
лишь повстанец Кобылыця.
— А ты кто такой? Откуда? —
вдруг послышалось в пещере.
Смотрит: никого не видно,
только мрак вокруг глубокий —
видно, эхо отозвалось
гулкое в пустой пещере.
И опять разговорился
смелый сокол, юный горец:
— Неужели не придется
никогда с ним повстречаться?
Так меня к нему и тянет,
удержаться нету силы.
— Почему же не придется? —
вновь послышался тут голос,

и из тьмы пещерной вышел
исполин в простой одежде.
— Ты хотел меня увидеть?
Вот и я... Да ты не бойся:
никого не обижает
справедливый Кобылыця. —
Промолчал юнак Федькович, —
усмехнулся Кобылыця,
только молнии сверкали
да в горах ревели воды.
— Успокойся, милый мальчик,
здесь тебя не задержу я,
только ливень перестанет —
ты домой назад вернешься. —
И юнца тут потрепал он
нежно по плечу рукою,
усадил его на камень,
сам же к стенке прислонился.
Словно мак юнец раскрылся,
всю печаль свою поведал,
всё свое большое горе,
горькую несправедливость:
— Лучше б мне не видеть неба,
лучше б мне не видеть солнца,
лучше б помереть мне сразу,
чем терпеть такую долю! —
И сказал ему с улыбкой
справедливый Кобылыця:
— Ой, дитя мое родное,
полевой мой колосочек!
Не клянись ты небом-солнцем,

жить, дитя, не зарекайся.
Лучше сделай так, чтоб люди
на руках тебя носили.
Ты всё думал допытаться:
что всего важнее в жизни?
Я скажу: стоять за правду,
бедных вызволять из гнета.
Умягчить хотел ты сердце
на зеленой на природе.
Я скажу: напротив, нужно
закаляться, укрепляться,
потому что будет время —
весь народ восстанет грозно,
и тогда в борьбе кровавой
надвое мир распадется.
Вот когда твоя отвага
непреренно пригодится!
Будешь славным стихотворцем,
вдохновителем народа.
На великой Украине
грянет гром грозы народной
против черного насилья.
Надо нам помочь народу.
Не забудь, что лишь оттуда
встанет солнце — солнце воли.
Верю, верю, что сольется
Буковина с тем народом.
Вот и всё, дружок, как будто,
что хотел тебе поведать...
Гром утих, гроза промчалась,
лишь шумят еще потоки.
Видишь: хлеб перед тобою,

видишь: сыр, вода в кувшине, —
подкрепишься и отправляйся,
и готовься к новым битвам.
Проводить тебя я рад бы,
да нельзя мне появляться,
чтоб полиция не знала,
где готовлю я восстанье.
Жил в пещере этой самой
некогда Олекса Довбуш, —
значит, ты запасся силой
Довбушевой и моею.
Ну, прощай, иди тихонько,
чтоб нога не поскользнулась.
Ой, дитя мое родное,
полевой мой колосочек!
— До свиданья, — подымаясь,
молвил юноша Федькович. —
Вашей речи о закале
никогда не позабуду,
буду в грозной битве первым,
буду ратовать за бедных,
буду нашу Буковину
поворачивать к восходу! —
И отправился Федькович,
стал спускаться вниз, веселый.
Солнце вышло из-за тучи,
путь-дорогу осветило.
И запел Федькович песню,
так что люди удивлялись:
кто́ это на горных склонах
про свободу распевает?

1940.

ДЕТСТВО ТУМАНЯНА

Ой вы, дни весны медвяной
Ованеса Туманяна! ¹
Горы, доли, блеск зари
в замечательном Люри.

Ночью — к синим звездам взоры,
в полдень — солнышко узоры
выводило на траве,
думы — роем в голове...

Скажет: — Мама, что такое?
Разве солнышко немое?
Отчего оно горит,
а со мной не говорит?

Мать смеется: — Босоножка,
ты побегал бы немножко,
вон цветочек — ты б сорвал,
к маме тут не пристава.

Только ты остерегайся
и в долину не спускайся,
ой ты, свет моих очей,
слышь, убит там богатей.

— А за что убит, родная?
— Да другим-то доля злая...

¹ Ованес Туманян (1869—1923) — крупнейший армянский писатель, народный поэт Армении. Прославление труда и героизма — основной мотив поэзии Туманяна.

— Доля злая? А кому?

— Тсс... молчи, не то — в тюрьму...

Ованес бежит, щебечет,
вдруг старик ему навстречу,
он спешит наперерез,
громко клича: — Барэв цез!¹

Ой, спасите меня, братцы,
мне приходится скрываться!
Там за мной уже идут, —
поскорей, они не ждут!

Поняла как будто мама,
повела в каморку прямо.
— Те имастугюн унес²,
обожди здесь, Ованес.

В травах солнышко резвится
как в зеленых рукавицах
то один край, то другой,
ой, узор же дорогой!

Ованес стоит, смекает:
старика он, знать, спасает;
тот бежал от нив да хат,
а пред кем он виноват?

¹ Добрый день (арм.).

² Если понимаешь (арм.).

Вдруг из заросли цветущей
вынырнул жандарм, да злющий,
сразу поднял шум и крик:
— Где? Куда ушел старик?

Ованес: — А вон в овражек
(да еще рукою кажет),
поищите его там,
вниз ушел, я видел сам...

— Как же вниз, коль я оттуда?
Это что еще за чудо?
Прямо чудо из чудес! —
Мать выходит: — Барэв цез...

Вы за что браните сына?
А, старик... Да миг единый
не прошел, как он бежал,
вниз спустился и пропал...

— Вниз да вниз, как сговорились,
ну, дела же приключились!
Знаешь, кто тот старец был?
Богатея он убил.

И жандарм скорей вдогонку.
Усмехнулась мать в сторонку.
— Те имастутюн унес,
молодец ты, Ованес!

В травах солнышко резвится:
как в зеленых рукавицах

то один край, то другой.
Ованес смекает: — Стой,

а за что ж того убили?
— Бедняки несладко жили!
— Кто ж друзья им, кто враги?
— Рано знать тебе, беги...

Ованес бежит, играет,
вдруг забаву прерывает:
— Беднякам несладко, вишь... —
И задумался малыш.

Лето блещет в буйной силе.
Шепчет Ованес: — Убили.
Хочет есть ведь и бедняк.
Правда, мама, иль не так? —

А вокруг шумит природа,
веет ветер с огорода
да качает пышный мак. —
Милый мальчик, только так!

Только так, а не иначе
скажет мать. Кто беден — плачет.
Чтобы стало лучше жить,
надо людям послужить,
бедным надо послужить.

ТЕБЕ, НАРОД ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Весна — вишневый сад в расцвете
и в небе ласточки зигзаг...
Нет выше красоты на свете,
чем творчество, — чем первый шаг!

Окрепли мускулы и жилы,
грозы предчувствие в тебе...
Нет большей силы, высшей силы,
чем быть участником в борьбе!

Но эта сила полным ходом
не прибежит и не придет...
Учиться должен ты с народом
борьбе, движению вперед,

чтоб жизнь пройти не экскурсантом, —
не гостем на короткий срок...
Пусть диалектика брильянтом
блеснет меж дел твоих и строк!

Еще нам бить врагов немало:
иди в ряды большевиков!
...Смогу ль и я сказать, — бывало,
и я уничтожал врагов?

Не раз их песнь моя крушила —
та песня, что зовет на бой.
Мое перо — моя вся сила —
тебе, народ любимый мой!

Течет вода, шумит осока,
привязан челн средь камышей...
Свежа земля, земные соки
свежи, — и мы от них свежей!

Любил я разумом поэта
материю, движенье, бой...
Но создано т о б о й всё это —
тобой, народ любимый мой!

Сверкает солнце, блещет хвоя,
грядущим закипает кровь...
Есть мужество одно большое —
навстречу жизни вновь и вновь!

Жизнь — это сердца жар весенний,
стальная острота идей...
Сильнее лет землетрясений,
чем потрясать сердца людей!

Но потрясешь их, поражая,
предубежденье их круша,
когда, поэт, в тебе большая
и не заросшая душа!

Пером лебяжьим слово песни
взовьется — будь ты стар и сед —
над сердцем девушки чудесной
и облетит широкий свет...

И если небо гром распашет —
заржавленную прочь печаль:

ты будь выносливым, как наша
аустенитовая сталь!

Бредя дорогой и тропюю,
постичь всех дел язык живой, —
хочу звучать всегда тобою,
народ, родной, любимый мой!

Так, вырастая год от году,
души мечтой не укачай.
Родному своему народу
и Сталину себя отдай!

1941.

Из книги
"Победждать и жить!"

1942

ИДЕМ НА БОЙ

Земля моя, родимая, святая!
Любовь моя, отчизна золотая!
Вновь нападенье? Вражеский разбой?
Родная, слышим! Мы идем на бой!

Чего он хочет, хищник иступленный?
Зачем исходит злобой неуёмной?
Затем, что ты одна на целый свет
свободна: ты — что солнца златоцвет!

Враг оттого беснуется и злится,
что высока у нас в полях пшеница,
враг оттого спешит напасть на нас,
что знает он: его недолог час, —

в Европе им теснимые народы
поднимутся, стремясь к заре свободы.

Народов тех опора и маяк —
лишь ты, земля советская моя.

Да, будет вражья ставка, будет бита:
ведь славой наша армия покрыта!
Мы победим — ведь с нами на земле
свобода, правда, Сталин наш в Кремле.

Земля моя, родимая, святая!
Любовь моя, отчизна золотая!
Вновь нападенье? Вражеский разбой?
Родная, слышим! Мы идем на бой!

1941.

ПЕСНЯ ПРО ЗОЮ КОСМОДЕМЬЯНСКУЮ,

Героя Советского Союза

Как на немца под Москвою
стал народ грозой —
за родную землю встала
ты, сестрица Зоя.

Подалась ты к партизанам
с бомбой да с наганом, —
смерть тебе, фашист проклятый,
смерть тебе, поганый!

И пошла ты мстить, сестрица,
жалости не зная,
чтоб была навеки вольной
сторона родная.

Не страшилась ты кровавой
вражеской расправы.
Черная тебя терзала
палачей орава.

Муки тяжкие снесла ты
с твердыми словами:
— Победим! За нами правда,
мудрый Сталин с нами!

Победим! На немца встанем
грозною грозюю.
Будь прославлена вовеки,
комсомолка Зоя!

1942.

НА ЗЕМЛЕ СВЯЩЕННОЙ, НА СОВЕТСКОЙ

Рано поутру к селянке в хату
то не волки лютые вбегали —
то из вражьего, чужого края
два голодных хищника вломились.

Как один был офицер немецкий,
а другой — слуга-синежупанник.
— Эй, Мокрина, грязная мужичка!
Мы спешим на партизан походом,
так подай нам молока... да живо!
(Пятеро солдат за воротами.)
Хлеба разыщи нам, масла, сала!

Нету у тебя — сходи к соседям.
Ну, не стой, не так еще заставим!

Заворочались от крика дети:
— Мамка! Может, татко? Где наш татко? —
Но, протерши кулачками глазки,
вдруг заплакали, забились в угол.

Загорелось у Мокрины сердце,
затряслась, руками замахала:
— Не дождетесь, что б я вас кормила!
Всё и так забрали, живоглоты.
Что вам надо, ироды собачьи?
Мало вам того, что натворили?
Вот уже семь дён, как человека
увели из хаты на расправу.
Где мой муж? За что его забрали?

И, рассевшись важно на скамейке,
стукнул-хрюкнул офицер немецкий:
— Цыц! Ты знаешь, кто перед тобою?
Мы — тевтоны! Люди высшей расы!
Мы пришли, чтоб вас рабами сделать.
Если же... Да что ты понимаешь?
Эй, слуга немецкий, объясни ей
(твой ведь это скот единокровный),
расскажи, что, дескать, мы... ну, словом,
жрать пускай несет нам, да живес!

— Жрать! — заверещал синежупанник. —
Лопни, а подай нам угощенье!

То или другое — что найдется,
только бы не прогневить нам немца.
А побьем Железка-партизана —
вот тогда-то мы повеселимся,
запоем все вместе «Ще не вмерла».
Мы несем вам старые порядки,
мы над вами гетмана поставим.
Ты скажи нам, тетушка, спасибо,
что большевиков твоих воюем.

Гневно кинула ему Мокрина:
— Прочь отсюда, подлая гадюка!
Ты вокруг сердца мне обвиться хочешь?
Отойди! Когда бы силы стало,
я б своей рукой вас задавила!
Ждете вы, что вам скажу спасибо?
(а сама-то — полотнона белее).
Я за всё... за всё вам благодарна!
Вот и благодарность. Получайте! —
И нежданно им в лицо обоим,
подбежавши, плюнула: — Собаки!
Растерзайте, а молчать не стану!

Стукнул-хрюкнул офицер немецкий:
— Что? Меня? Да как она посмела? —
И, вскочивши со скамейки, мигом
офицер за пистолет схватился.

Но едва вскочил он, как Мокрина
по руке ударила с размаху.
В угол пистолет упал со стуком.

— А, ты вот как! — Офицер взъярился, ухватил он женщину за плечи, оттолкнул ее со всею силой, — навзничь опрокинулась Мокрина, загремела головою об пол.

— Будьте прокляты! — лишь простонала.
— Мама! Мама! — дети закричали, закричали, в плач заголосили.

Кинулся, как зверь, синежупанник. Севши сверху, стал ломать ей руки, в рот ей тряпку грязную засунул и, поднявшись, козырнул: готово! Офицер, надменно шаг ступивши, злобно ей на грудь сапог поставил: — Вот за то, что сделать ты посмела, я детей твоих замучу! После и тебя я мучить буду. Слышишь? — И в тот угол, где прижались дети, оловянно поглядел и с места двинулся, загрохав сапогами. Вскрикнули-заголосили дети, мать, беспомощная, заметалась.

Но как раз в ту пору дверь раскрылась, и вошли: один — рыжебородый, в длинном и потертом балахоне; вслед за ним дедок косматый, с лирой, он всё кашлял, слеповато щурясь; дальше — третий, без руки, убогий, колыхая рукавом рубахи.

Обернулся офицер немецкий,
пряча пистолет, притопнул грозно:
— Кто такие? Для чего явились? —
К двери подскочил синежупанник:
— Говорите мне, что здесь вам надо? —
Закрестился лирник, поклонился.
То же начал и рыжебородый,
но остановился, глянув в угол:
— Может, их водой попрыскать? — молвил. —
Дети тоже... бедненькие, плачут. —
Как толкнет его синежупанник:
— Ты пришел сюда распорядиться?
Говори скорей: зачем приплелся?
А не то... сдеру с живого шкуру.

— Не иначе! — кашлянул тут лирник.
— А и правда! — пропищал безрукий.

Низко поклонясь, рыжебородый
с дрожью в голосе ему ответил:
— Милостивые мои панове,
не прогневайтесь на смелом слове.
Я — кулак. Большевикам был лишний,
вам же послужить пришел с охотой.
Ой, возьмите вы меня на службу!
Я народ уговорить сумею,
к вам склоню, как ту березку в поле.

Отмахнулся офицер немецкий:
— Вот еще, нашел себе заботу! —
Он расселся снова на скамейке,

закурил и, закуривши, хрюкнул:
— Что «народ»? Народ и так заставим, —
нам бы только изловить Железка.
— Господи, — вскричал рыжебородый, —
да ведь мы-то знаем, где Железко!
— Знаете? — и офицер присвистнул. —
Эй, слуга-синежупанник, слышишь? —
Радостно осклабился проклятый,
точно пес, который кость увидел,
а синежупанник подхихикнул:
так и так, мол, — сам идет к нам в руки

Выстрел вдруг на улице раздался —
раз и два — и снова всё затихло.

— Что такое? — всполошились оба.
— Ничего, там бешеная сучка, —
успокоил их рыжебородый, —
по дороге мы ее видали.
На людей кидается... Да что там!
Думка-то у нас, чтоб вы на службу
взяли нас... ну, то есть... — и закашлял.

— Не иначе! — кашлянул и лирник.
— А и правда! — пропищал безрукий
и прежалостно просить их начал:
— Дайте службишку ему... ей-право...
Дайте на руки ему бумажку,
чтоб печать была на ней и подпись.
А о прочем вы не беспокойтесь:
точас вам укажем, где Железко.

Лирник этот вот, как старец божий,
все уж протоптал туда дорожки.
Для кого же? Да для вас, понятно.
У Железка восемь душ в отряде,
пулемет один — и всё, пожалуй.
Ну, там бомба, две, да это мелочь.
Лишь бы подойти вам с той сторонки,
где зимой повесился Омелько, —
может, знаете? Так вот оттуда
вам ударить было бы невредно.
Только выдайте вы нам бумажку!
— Что же, можно, — офицер смягчился.
Он к столу лицом поворотился,
стал печать нашаривать в кармане.
И синежупанник сел — царапал
по бумаге, локти раскоряча.

Выстрел снова за окном раздался.
— Эка злая сучка! — буркнул лирник.
— Есть уже! — сказал синежупанник.
Офицер печать свою прихлоннул:
— Вот и всё. Готово. Пусть ведут нас. —
А когда они оборотились, —
смертный ужас искривил их лица:
три нагана им в упор глядели!
Зычным голосом, подобным грому,
крикнул лирник: — Стойте, и ни с места!
Кто пошевелинется — бомбу кину!
Некуда бежать вам, успокойтесь.
Выстрелы слышали? Вся охрана
вапа перебита. —

Тут же в хату
четверо людей вошло. — Вяжите!
Накрепко! — сказал рыжебородый.
И, когда жестокие злодеи,
связанные, на полу лежали,
вместе с лирником рыжебородый
принялся освобождать Мокрину.
Тряпку изо рта тихонько вынул,
руки скрученные развязал ей,
трижды ей лицо водою sprыснул.
А потом, когда она вздохнула,
в угол перенес, туда, где дети.

Сам же выступил на середину
и сказал лежавшим у порога:
— Вы задумали поймать Железка?
Так ловите, что же вы притихли?
Вырвавшись из ваших лап звериных,
долго я ходил за вами следом.
Я давно убил бы вас обоих,
но хотелось взять живьем, проклятых,
чтобы «языка» добыть вернее.
Ну, так как на Украине — тесно?
Погодите — припечем покрепче.
Что, простору захотели? Хлеба?
Погодите — и не так накормим!
Вы народ вернуть хотите в рабство?
Эх вы, гитлеровские собаки, —
никогда такого не дожидаться,
не мечтать вам — слышите? — об этом!
Как сказал нам Сталин, так и будет

на земле священной, на советской!
— Будет! — закричал тогда безрукий.
Он в другой рукав просунул руку,
и рукав уж больше не болтался.
— Будет! — повторил за ним и лирник,
а за ним и все. — Прикончим немца,
даже и на семя не оставим.
— Ну, тащите гадов, и в дорогу, —
обернулся к ним рыжебородый. —
Фу! Аж душно стало... Время ехать! —
Бороду с себя сорвал Железко
и платком лицо отер от пота.
— Татку! Татку! — закричали дети.
— Голубята! — к ним отец метнулся. —
Вы не бойтесь, сами вы — вояки:
выбросим злодеев, и не станет.
Я приду еще, вернусь к вам. Мама,
мама остается, — слышь, родная?

И приподнялась Мокрина: — Кто тут?
Ой, воды... ой, жжет меня... Да кто тут?
— Ну, прощайте! — и рыжебородый
вышел в дверь последним. — Татку! Татку! —
вслед ручонки протянулись. — Татку! —
дети лепетали...

ГОЛОС МАТЕРИ

(Отрывок)

...На сердце вновь железный гнет,
всё тяжелее, всё жесточе.
Деревья бурей так и гнет,
и страшен вой осенней ночи.

Но в буре ловит чуткий слух:
«Прости, то я тебя взбудила.
Пусть недреманным будет дух, —
мой сын, нужна нам сила! сила!»

Будь братом каждого бойца!
Не тысячам, а миллионам
сумей ты вдохновить сердца
своих стихов железным звоном.

Идут полки, идут полки
на битву с гадиной ползучей, —
так пусть от огненной строки
растет и крепнет гнев могучий!

И те, что в битве полегли,
ведь не глухому же кому-то, —
тебе кричат: «Проклятье шли
змее, на кровь людскую лютой!»

Истерзан твой родимый край.
Гляди, как буря труп колышет!

Ты в строгий стих свой отливай
весь гнев, которым сердце дышит.

За оскверненных матерей,
за всех, живьем зарытых в землю,
ты песней отомстить сумеи, —
тогда лишь я тебя приемлю!

Ты — молодой из молодых,
крепи же песнею победу.
Я нынче всех детей своих,
в грозе, сзываю на беседу.

Пусть будет сердце — как алмаз.
И голос лирный — на суровый
смени! Забудешься хоть раз —
не обращусь к тебе я снова.

Ты узнаешь ли голос мой
и мой полет орлинокрылый?
С заботой реет над тобой
душа твоей отчизны милой!»

...И проволоки на столбах
запели, стихли. Час рассвета.
Вот зачирикало в кустах.
Лишь два луча на небесах,
как руки матери, воздеты...

СОДЕРЖАНИЕ

Павло Тычина. Предисловие <i>Б. Турганова</i> . . .	3
<i>Из книги «Солнечные кларнеты» (1918)</i>	
Леса шумят. Перевод <i>В. Рождественского</i>	9
Арфами, арфами. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	10
Какая вышивка! Перевод <i>П. Ушакова</i>	11
Над крутым обрывом. Перевод <i>Б. Турганова</i>	12
Хор лесных колокольчиков. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	13
<i>Из книги «Плуг» (1920)</i>	
На майдане. Перевод <i>Б. Турганова</i>	15
Ой, упал мой друг с коня. Перевод <i>А. Прокофьева</i>	16
Иду с работы я, с завода. Перевод <i>А. Прокофьева</i>	17
Я знаю. Перевод <i>Б. Турганова</i>	—
<i>Из книги «Встер с Украины» (1924)</i>	
Ветер с Украины. Перевод <i>Б. Турганова</i>	19
Подходит лето. Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	21
Кожемяка. Перевод <i>Б. Турганова</i>	22
Воздушный флот. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	24
<i>Из книги «Партия ведет» (1934)</i>	
Песня трактористки. Перевод <i>Н. Асеева</i>	26
И от царей, и от вельмож. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	29

Из книги «Чувство единой семьи» (1938)

Чувство единой семьи. Перевод <i>В. Турганова</i> . . .	31
Зелен-золот. Перевод <i>В. Турганова</i>	33
Феликс Дзержинский. Перевод <i>М. Комиссаровой</i> . .	34
Песня молодости. Перевод <i>С. Олендера</i>	36
Первое знакомство. Перевод <i>Б. Цастернака</i>	38

Из книги «Сталь и нежность» (1941)

Федькович у повстанца Кобыльци. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	44
Детство Туманяна. Перевод <i>В. Звягинцевой</i> . . .	50
Тебе, народ любимый мой! Перевод <i>А. Гатова</i> . .	54

Из книги «Побеждать и жить!» (1942)

Идем на бой. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	57
Песня про Зою Космодемьянскую. Перевод <i>Д. Бродского</i>	58
На земле священной, на советской. Перевод <i>В. Турганова</i>	59
Голод матери (отрывок) Перевод <i>В. Дынник</i> . . .	68

Оформление Г. Фишера

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответств. редактор *И. Дюшен.*
Подписано к печати 23/VIII 1943 г.
2¹/₄ печ. л. (2,55 уч.-изд. л.).
42650 экз. в печ. л. Тираж 25000 экз.
Л43141. Цена 1р. 50к. Заказ № 3503.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроа РСФСР. Москва,
Сущевский вал, 49.

Цена 1 р. 50 к.